

УДК 80:316.3

ТРАГЕДИЯ СОВРЕМЕННОСТИ («СБЕЖАВШИЕ СМЫСЛЫ»)

Давыдова В.Ю.

Теоретическими основами статьи являются следующие презумпции:

1. Письмо представляет доминантное становление текстуальности.
2. Рассмотрение формы, структуры, письма и события в одном проблемном поле выявляет закономерности мысли – актуальные концепты, которые имеют отношение к оформленности, структуризации и расположенности.
3. Тема времени уступает место теме расположенности и структуризации.
4. Современность может быть понята как особого рода произведение, в котором чувственно-телесные интуиции соотношены с рефлексией эстетического опыта.

Новизна исследования состоит в следующем:

- впервые произведение С.Кржижановского рассматривается как событие на пересечении общего и неповторимого;
- рассматривается актуализация темы пространства, не онтология времени, а онтология пространства.

Основные цели статьи: 1) Представить новеллу/притчу С.Кржижановского как философски фиксированные представления о пространстве. 2) Изучение авторского мира образов и символов как коллективных «ментальных карт», которые актуально тематизируют воображение и коллективные репрезентации [7, с. 1].

Актуальность. Материалом исследования является текст новеллы/притчи С.Кржижановского «Катастрофа». Опора на данный текст объясняется рядом причин. Во-первых, литературоведение и критика ещё не сделали данный текст предметом «интенсивного» исследования. А во-вторых, темы письма и события оказываются значимыми для большинства ведущих философских стратегий. Письмо и событие соотношены в большей степени топологически, чем хронологически.

Постановка проблемы. Сближение структурализма с феноменологией, психоанализом, герменевтикой, философией жизни и «теориями чтения» означает переход на стадию постструктурализма. Провести четкую линию между структурализмом и постструктурализмом сложно. Уже в исходных положениях эстетики формы и структуры были предпосылки возникновения постструктурализма. Р.Барт предлагал узаконить множественность. Философ ограничивал произвольную вариативность толкований, устанавливая трансисторическую сущность литературы. Для Р.Барта литература – функциональная система, один элемент которой («произведение») неподвижен, а другой («мир», «эпоха», «читатель») варьируется. Именно Р.Барт провел принципиальное различие между литературоведением и критикой. Творчество – это конструирование с помощью текста. Творчество автобиографично.

В 70-е годы текст для Р.Барта предстает как трансмутация различных символов. Автор, читатель и критик в равной степени творят текст. Традиционный «автор-демиург», выражающий теологический смысл творчества и культуры, радикально потеснен. Текстовое бытие многомерно. Стратегии второй половины XX в. разводят произведение и текст, но в творчестве С.Кржижановского (1887-1950) они парадоксально совпадают. Это делает его опыт чрезвычайно показательным. Начало творчества Кржижановского совпадает с активным

ТРАГЕДИЯ СОВРЕМЕННОСТИ («СБЕЖАВШИЕ СМЫСЛЫ»)

интересом к вопросам формы и структуризации («структуралистский логос»). Рефлексия и творчество совпадают в событии письма.

Уже в формализме были заложены основы исследования априорных основ дискурса. Русские формалисты, создавая термины и понятия, находились в оппозиции практически ко всем предшественникам. Способ «негативного» определения выступил в качестве алгоритма конституирования смысла – этот алгоритм принципиально повлиял на манеру писать и мыслить [3, с.131-134]. Интерес к темам следа, смещения, инверсии, стершегося смысла, рассеивания свидетельствует о значимости темы.

Структуралистический логос определен картезианской традицией в понимании языка в соединении с космотелесным интуированием и практикой. Исследования лингвистами системного порядка языка – это продолжение капитального сознания, осуществленного в сфере языка. Собственно философскую значимость проблема философского языка получила при осмыслении возможностей существования философии и субъекта.

От физиологических, психических и духовных состояний к языку откровения («глоссологии»), от языка – к языку поэзии, от языка поэзии – к антропологии, от поэтики – к эстетике, этике, от заумного языка – к определениям антропологической константы как субъективной целостности – вот фиксированные позиции осмысления проблемы поэтического. Язык был поставлен в соответствие с возможностями философского опыта.

Именно предписание формалистов «исследовать литературность, а не литературу» было высоко оценено в 60-е годы, когда структурализм активно входил в методологию гуманитарного знания. Телесность, бессознательное, жизненная энергетика и другие побудительные силы и стремления будут помещены в намеченный формализмом топос. Отдельное художественное произведение как осуществленный эстетический опыт предстоит в формализме как «построение и игра». Для структуралистского логоса показательно скрытое обращение к теме предметности и вешности. Последующие сближения формализма и структурализма с психоанализом, герменевтикой, философией жизни, мифокритикой, неodarвинизмом – это реализация, соединение эстетизиса и логоса.

К.Леви-Строс анализировал социальную структуру, обращаясь к графической символике искусства. В то же время для Леви-Строса была значимой идея «суггестивности поэтического» С.Малларме, которая основывалась на мысли о наличии у каждого человека запаса особых слов-образов, подобных миру музыки и грёз [8, р.140-142]. Взгляды Леви-Строса близки эстетической теории символизма, а именно идее символизации языка, согласно которой есть прямая связь между языком, мифом и искусством. Сохраняется принципиальная гистенция символизма – трансцендентного измерения телесности, творчества, человеческого существования. На месте религиозно-мистического опыта ставится опыт событийности, символически определяемый языком.

Символика подсознания, действительно, может быть соотнесена с некоторыми типичными выражениями субъективности в языке, а символические образы в мифах, сновидениях, поэзии связаны с динамическими структурами стиля [2, с.126]. В общей логике структурализма теория поэтического языка – это соединительное звено между предструктурализмом русских формалистов и собственно структурализмом. Идеи теории поэтического языка оказались значимыми для теории интеллектуальности, в которой текст понят как «транслингвистический аппарат» [5]. Пространство текста понято как место интерферирования и напластования текстов многих высказываний, т.е. как интертекстуальность. Письмо культуры совершается во взаимодействии поэтического и философского – разворачивается игра поэзиса и логоса.

Стратегии второй половины XX в. разводят произведение и текст, но в творчестве С.Кржижановского они парадоксально совпадают. Словесная субстанция выступает как вечно-предметный материал. Рефлексия и творчество совпадают в событии письма. Философия и литература создают общий контекст – с этим связана тема влияния и

заимствования. Можно сказать, что С.Кржижановский писал одно и то же произведение с постоянным вниманием к истоку. Все произведения оказались соотнесенными прежде всего с собственным текстуально-смысловым пространством. С.Кржижановский оперирует философскими концептами, идеями и проектами так, что они оказываются именно в становлении. Эти образы-состояния не укладываются в predetermined схемы. Они могут быть взорваны изнутри любым из объяснений. Задействованными оказываются не только имена и позиции, но и возможные коннотации смыслов. Сама реальность истории, философии, литературы, политики оказывается прочитываемой с позиций возможности.

Плагон, Аристотель, Ориген, Эриучена, Томас Мор, Декарт, Спиноза, Кант, Ницше, Авернарриус предстает в произведениях С.Кржижановского как создатели текущих понятий, точнее, так интерпретированы их идеи. С.Кржижановский придавал категориям и позициям особый – предельный, пограничный, «деконструктивный» – смысл. Философские концепты включены в диалог с эстетическим опытом.

Проникающая внутрь вещи мысль извлекает смысл. Вещь и смысл разлучились. «Всякой вещи отпущено немножко пространства и чуть-чуть времени»[6, с.123]. И если хаосу дать возможность «опрокинуть, порвать и расшвырять все сложное и хитрое сооружение из орбит и эпициклов», как тут же наступит катастрофа. Так и называется одна из новелл С.Кржижановского в сборнике «сказки для вундеркиндов», написанная в 1919-1922 годах. «Мысль Мудреца только и делала, что переходила из вещи в вещь, выискивая и вынимая из них их смыслы»[6, с.123]. Хотя писатель и призывал вундеркиндов быть сострадательными к «неприкосновенности чужих смыслов», мысль Мудреца не знала сострадания. Мысль Мудреца «рылась в ворохе белых Сириусовых лучей, спокойно и деловито, точно это было не небо, а бельевой ящик старого отцовского комода»[6, с.124].

Тогда, пишет С.Кржижановский, у нас были мудрецы, но не было точных инструментов. Теперь есть точнейшие инструменты, но нет мудрецов. Так всегда. И среди вещей стал переползать слух: Мудрец покончил со звездами и возвращается сюда на землю. «Маршрут: звездное небо над нами – моральный закон в нас» [6, с.125]. Страхивая звездную пыль с крыльев, трехкрылый силлогизм близился к вещам. «Зыбь тревоги и трепеты жути всколебали все земные вещи». Тогда-то и разразилась катастрофа. Пространство и время переполнились паникой, и началось повальное бегство из мира.

«Бежали: сороконожки – слоны – инфузории – жирафы – пауки. Люди, захваченные катастрофой, в своих сорвавшихся с фундамента домах сходили с ума, снова вбегали в ум, хватали какую-нибудь ненужную цитату, перевернутую кверху словами молитву (такова уж паника), снова поспешно сходили с ума, бессмысленно кружа по своему «я» – то взад, то вперед»[6, с.126]. «Даже внутри книг было неблагоприятно: буквы – слоги – слова, бегая опротясь по строкам, сочетались в нелепые (а подчас и до немыслимости мудрые) фразы и афоризмы, на невообразимых языках». «А Земля «как яблочко покати-и-лася» (La-mi-mi), задевая за планеты, подсакивая на выбоинах пути, мощенного звездами» [6, с.127].

Здесь звуковая метафора, аллюзия знаменитой песни революционных матросов Петрограда. Вспомним обморок профессора Преображенского в «Собаьем сердце», когда детище ученого запело эту же песню (La-mi-mi). Так и пели и танцевали ансамбли матросских песен и плясок знаменитое «Яблочко»

Даже миги вышвыривали из себя все лишнее. Образовывались диковинные вещи: «человечьи слезы на проворных паучьих ножках, сердца, прилипшие к окулярам телескопов, et cet, et cet. [6, с.127].

Но писатель признается: «В узком расщепе моего пера тесно хаосу. А хаос вторгся».

Люди даже перепутали свои «я». «Бесстрастный Разум» обошелся с фактами как с идеалами, а идеалы стали мыслить как факты. «В иных умах, куда-то, точно в щель, провалилась бесконечность, в других затерялась категория причинности»[6, с.127]. Прибой паники, льдистыми капельками, «добрызнулся» и до звезд. Эклиптики закачались – «звезды

ТРАГЕДИЯ СОВРЕМЕННОСТИ («СБЕЖАВШИЕ СМЫСЛЫ»)

заскользили по безорбитью из Raum und Zeit'a [6,с.128]. «Остались: старый Мудрец, пространство, чистое от вещей, время – от событий и книги. Книги не боялись, чтобы кто-нибудь когда-нибудь мог дочитать их до смысла».

Тут начиналась игра Мудреца с фолиантами. Книги пытались спрятать свои тайны. «Шелестели об одном, думали о другом. Смысл уводил из букв текста в дробные значки «нонпарели и петита». Но Мудрец терпеливо подбирал ключи к шифрам. Вещи поняли, что идут в «некуда», в кругах «эмиграции» царило уныние.

Не быть миру, миру не быть – шелестели последними уцелевшими страницами «руководства по логике». Было создано «чрезвычайное» собрание всех часовых механизмов. Блестящий Женевский хронометр в точных философских терминах и резонах объяснил – «время, не будучи вещью, вещно в вещах не участвует». С.Кржижановский дает примечание к этой фразе, говоря о Арт.Шопенгауэре. И хронометр предложил всем часовым механизмам – стать.

И вдруг (великий «авдруг») пришла весть: Мудреца не стало. Это случилось 12 февраля 1304 года в 4 час. пополудни. Вещи бросились назад. «...в свои миги и грани: очутившись снова в таких милых, таких своих гранях, они не могли вдоволь нарадоваться, что они – они»[6, с.130]. «Понемногу – события, вещи возвращались по своим орбитам-граням. Прежде всех пришли в себя души ограниченные». Теперь, подчеркивает писатель, нетрудно шутить. Но ведь был момент, когда показалось, что земля и крошечный сферический хрусталик человеческого глаза – одно и то же. «Время тяжело подымало тяжкие веки глазу, искавшему видеть самое видение. Видение было странно и страшно... Мертвым веком снова прикрыт остеклившийся глаз» [6, с.130-131].

Катастрофа представляет ситуацию, активно обсуждаемую на протяжении XX в., – смещение метафизического эссенциализма. Создание общности на платформе общечеловеческих ценностей становится все более иллюзорным. Историческое, мистифицированное и текстуальное вступают в напряженное отношение одновременной со-бытийности. И если событие, вещи и смыслы возвратились к свои руслам, орбитам и граням на свои места, то лишь благодаря различению пестрой и огромной сферической земли и крошечного сферического хрусталика глаза. Именно ситуация, когда «Мудрец отмыслил и истлел», создает чувство защищенности – «мудрецов больше не будет». Опасного господства одного на всех смысла не будет из-за непомерной тяжести этого смысла: «потому, что легче перелистывать геологические пласты, чем приподнимать тяжкие от смыслов страницы книги Мудреца».

Совершенно недостаточно говорить о конце истории, метафизики, романа, об исчезновении автора, о том, что Бог и человек умерли одной смертью, о последнем человеке и приходе неогностика на смену неудалому титану. И недостаточно рассматривать дискурсы с точки зрения грамматических, формальных структур и ценностных ориентаций. Важно определять модальность существования дискурсов, т.е. способы обращения, атрибуции, присвоения и придания им ценности. Идеология современности стремится полностью освоить пространство создания смысла.

Выводы:

И потому в литературе как философско-антропологическом опыте и рефлексии постоянно присутствует усилие самосохранения – семантический жест, в котором представлено взаимостремление вещи и знака. Воображение автора, читателя, слушателя, зрителя и символического: событие осуществляется на грани написанного и произнесенного.

Оформляемый хаос существования – это мир человеческого обитания, и он требует обустройства. Но вселенский хаос, в отличие от хаоса существования, всегда бытийствует в первозданности. Вселенский хаос реален и неизменен. Это сфера демонизма стихий, но не зла. Этот вселенский хаос – лоно для действий и мыслей. Стремление оформить хаос всегда обречено на поражение. Но слово способно свободно проектировать позиции и действия. Примирение с хаосом может привести человека к двум следствиям. Или человек исчезает в мире хаоса, или же соединяет себя с демонизмом стихий хаоса. Личность утрачивает себя,

примирясь с хаотичностью «быта-арестанта», ибо утрачивает образ мира, в соответствии с которым личность себя осознает и строит.

Список литературы

1. Барт Р. Смерть автора// Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
2. Бенвенист Э. Общая лингвистика. – М., 1974.
3. Грякалов А.А. Письмо и событие. – СПб.: Наука, 2004. – С.131-134.
4. Делёз Ж. Ницше/ Пер.с фр., послесловие и комментарии С.Л.Фокина. – СПб., 1997.
5. Кристева Ю. Избранные труды. Разрушение поэтики. – М.:РОССПЭН.
6. Кржижановский С. Собрание соч.: В 5-ти тт. – СПб, Simposium, 2001. – 671 с.
7. Шенк Ф.Б. Ментальные карты: конструирование географического пространства в Европе от эпохи Просвещения до наших дней// НЛЮ. – 2001. – № 6(52). – С.43-44.

Поступила в редакцию 22.02.2005 г.